

ГЛАВА XVII.

Васильевское.

. сердце бьется
При имени твоемъ, пустынное село,
И ясной думою внезапно раздвѣло.
Растопчина.

Это было въ маѣ 1829 года. Погода стояла великолѣпная. Деревья распускались, траву осыпали золотистые цвѣты цикоріи.

Точно ли мы скоро ѣдемъ въ Васильевское? еще поѣдемъ ли? вопросъ этотъ тревожно занималъ насъ. Мы робко вѣрили, робко надѣялись.

Иванъ Алексѣевичъ каждый годъ говорилъ, что уѣдетъ рано, и иногда уѣзжалъ только въ іюль. А иной разъ такъ опаздывалъ, что и вовсе не уѣзжалъ. Каждую зиму онъ писалъ въ деревню приказы, чтобы протапливали и готовили домъ, но все это дѣлалось больше для того, чтобы староста и земскій, опасаясь барскаго пріѣзда, были внимательнѣе въ хозяйству.

Намъ страстно хотѣлось въ деревню.

Когда пришли изъ деревни подводы и загромождили поль-двора, мы съ восторгомъ смотрѣли на нихъ, на крестьяпъ, хлопотавшихъ около лошадей, и на лошадей, какъ онѣ, фыркая, ѣли сѣно.

Въ домѣ поднялась страшная суета. Прислуга начала таскать барскія вещи, свои пожитки и укладываться на воза. Всѣ были раздражены, ссорились за болѣе удобныя мѣста на подводахъ для своихъ мѣшковъ, подушекъ, коробковъ. Камердинеръ Иванъ Алексѣевича былъ разстроены до того, что рвалъ на себѣ волосы съ досады и со всѣми бранился; какъ что онъ ни положитъ, все ему кажется не такъ, да не этакъ, выкидаетъ и перебрасуетъ. Тѣ изъ при-

слуги, которые отправлялись съ подводами, ходили одѣтые и подпоясанные по-дорожному, улаживали себѣ на подводахъ помѣщенія и прощались съ остававшимися въ Москвѣ.

Когда подводы, нагруженные гора-горой, съѣхали со двора, все стихло и опустѣло. Всѣ были утомлены до того, что, убравши валяшіеся по комнатамъ клочки сѣна, солому, веревки, оставшіеся отъ укладки, разошлись отдыхать. Даже Макбетъ, высунувши языкъ, растянулся на заднемъ крыльцѣ съ видомъ такого изнеможенія, какъ будто и онъ участвовалъ во всеобщей суетѣ и отправлялъ подводы.

Въ однѣхъ курахъ появилось больше прежняго хлопотливости; онѣ суетились по двору, торопясь другъ передъ другомъ подбирать остатки овса и кой-гдѣ просыпавшуюся крупу.

День стоялъ жаркій, на небѣ ни облачка.

Саша спустился сверху по лѣстницѣ и, оставаясь на предпоследней ступенькѣ, позвалъ меня.

Я подошла къ нему.

— Какая тоска и пустота во всемъ домѣ,—сказалъ онъ,—держась за поручья лѣстницы,—точно всѣ вымерли; въ довершеніе этого удовольствія—наверху духота невыносимая, папенька не позволяетъ открыть ни одного окна—боится простудиться въ 20 градусовъ жара. Погода прелестная, непростительно оставаться въ комнатахъ. Пойдемте въ палисадникъ.

— Пойдемъ,—отвѣчала я,—подожди меня, я сейчасъ приду, только возьму зонтикъ.

— На что это зонтикъ, три шага отъ дома—не бойтесь, не загорите.

— Я думала, мы будемъ ходить по палисаднику,—тамъ тѣни мало, а солнце такъ и палитъ.

— Прогуливаться мы не будемъ, а пройдемъ прямо въ бесѣдку и станемъ читать. Вы что хотите?

— Мнѣ все равно, бери что тебѣ нравится.

— Если такъ — я возьму „Phylosophische Briefe“ — Шиллера. Онѣ подходятъ къ настроенію моего духа.

Палисадникъ, въ который мы пошли, начинался отъ самаго дома. Рѣшетка, густо опушенная подстриженной акаціей, отдѣляла его отъ двора. Среди палисадника было нѣсколько клумбъ съ цвѣтами и съ десятокъ кустовъ сирени, жимолости и бузины, среди которыхъ стояла бесѣдка. Но что же это была за бесѣдка?

Это было что-то въ родѣ комнаты безъ оконъ, выстроенной изъ сосноваго теса, мѣстами разщелившагося. Сквозь разщелины тонкими нитями пробирались солнечные лучи и наполняли бесѣдку золотисто-туманнымъ полусвѣтомъ; когда мы, входя въ бесѣдку, растворили настежь дверь, солнце хлынуло черезъ всю комнату широкимъ потокомъ и ярко освѣтило ее. Мы помѣстились подлѣ низенькаго столика, на широкой деревянной лавкѣ, стоявшей вдоль всей внутренней стѣны.

Саша положилъ на столикъ книгу и, приготовляясь читать, сказалъ:

— Я чрезвычайно люблю эти письма. Въ нихъ такъ много чувства, широкихъ идей, пониманія молодой души.

— Ты любишь ихъ потому, — замѣтила я, — что этими письмами объяснялся съ Никомъ въ своихъ чувствахъ.

— Быть можетъ и потому. Мнѣ надобенъ былъ другъ — юноша, въ объятіяхъ котораго мнѣ было бы вольно, съ которымъ я могъ бы рука объ руку идти въ жизнь. На требованіе души моей онъ и явился такимъ, какъ я мечталъ его, какимъ представилъ его въ этихъ письмахъ Шиллеръ. Мы сблизились... какъ — и самъ не знаю, — сблизились и навсегда.

Помолчавши немного, онъ вздохнулъ, сказалъ нѣсколько театрально: „Поза, Поза! Гдѣ ты?“ и сталъ читать первое письмо Юлія къ Рафаилу:

„Ты уѣхалъ, Рафаиль, и природа утратила свою пре-

лесть. Желтые листья валяются съ деревь, мгла осеняго тумана, какъ гробовой покровъ, лежитъ на умершей природѣ; одиноко блуждаю я по задумчивымъ обрестностямъ, громко зову моего Рафаила, и больно мнѣ, что мой Рафаиль мнѣ не отвѣчаетъ. Здѣсь въ первый разъ мы разъяснили основныя духовныя начала и Юлій открылъ свое близкое родство съ Рафаиломъ...“

Сапа остановился и пристально посмотрѣлъ на меня.

У меня навертывались на глазахъ слезы, мнѣ казалось, что отъ меня что-то отнимають.

До этого времени у Сапы не было ни друга, ни товарища, кромѣ меня, и у меня никого, кромѣ его; видя какой страстный характеръ принимаетъ его дружба къ Нику, я его къ Нику ревновала.

Сдѣлалъ ли Сапа видъ, что не замѣчаетъ происходившаго во мнѣ, или дѣйствительно не замѣчалъ; только онъ письма Юлія продолжать не сталъ; облокотясь на столикъ, онъ медленно перевертывалъ листовъ за листовъ въ книгѣ, — миновалъ мыслящія существа и идеи и остановился на любви.

„Теперь, мой Рафаиль“, продолжалъ читать Сапа, „позволь мнѣ остановиться. Высота достигнута, туманъ упалъ, я стою среди безконечности, точно среди цвѣтущаго ландшафта. Чистѣйшій солнечный свѣтъ расширяетъ всѣ мои понятія, и такъ, любовь—лучшее явленіе одушевленнаго міра, всемогущій магнитъ вселенной, источникъ вдохновенія и высшаго блага. Любовь—проявленіе единой, нераздѣльной силы, образъ прекраснаго, чувство, основанное на переливѣ одной личности въ другую, на размѣнѣ своей сущности. Въ одинъ вечеръ,—ты помнишь, Рафаиль,—души наши соприкоснулись въ первый разъ. Всѣ твои высокія качества, всѣ твои совершенства сдѣлались моими. Любовью къ тебѣ я становлюсь тобою...“

Относя всѣ эти слова къ Нику, я грустно думала, вспо-

миная „Wahlverwandschaft“: „Хорошо извести—она насыщается сѣрной кислотой; каково-то бѣдной воздухообразной частичкѣ, которой приходится одиноко отлетать въ безконечность! Придется ли еще ей когда проявиться въ образѣ цѣлебнаго источника“.

Не смотря на меня, Саша опустил на столъ книгу, тихо взявъ мою руку и сжалъ съ такимъ огнемъ, что мнѣ показалось, будто воздухъ вспыхнулъ вокругъ насъ. Мгновенье продолжалось молчаніе. Я взглянула на Сашу: по лицу его катились слезы... Изъ тихаго, спокойнаго взора моего онъ все понялъ — и огорчился. Впослѣдствіи онъ оцѣнилъ то чувство, которое я имѣла къ нему, и сохранилъ ко мнѣ привязанность брата.

Быть можетъ у него и загоралась привязанность болѣе живая, какъ это и показалось ему, вѣроятнѣе же юношескій возрастъ, полное отсутствіе женскаго общества, пылкость, создали въ его воображеніи чувство, котораго, въ сущности, и не было никогда. По своему страстному характеру, онъ относился къ Нику такъ же горячо, какъ и ко мнѣ, если еще не горячѣе.

Мое тихое, спокойное чувство, дружба съ Никомъ, да и болѣе, университетскіе товарищи, наука и проч. способствовали тому, что и его привязанность ко мнѣ приняла характеръ болѣе ровный. Впослѣдствіи онъ говорилъ объ этомъ періодѣ времени: „Моя пламенная дружба къ Корчевской кузинѣ мало по малу приняла характеръ болѣе ровный“.

Съ ребячества привыкнувши быть единственнымъ товарищемъ Саши, естественно, что я, временами, тосковала, видя, какъ другой заступаетъ мое мѣсто, и какъ, ради этого другого, онъ оставляетъ меня одну цѣлые часы, чего прежде не бывало.

Наконецъ, наступилъ день отъѣзда въ деревню. Съ нами ѣхали Карлъ Ивановичъ Зонненбергъ и восьмилѣтній сынъ

сенатора Сережа *). Въ этотъ день Иванъ Алексѣевичъ какъ нарочно всталъ позднѣе обыкновеннаго и пилъ кофе продолжительнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Въ первомъ часу къ крыльцу была подана карета, за каретой ѣхала коляска, за ней бричка, фура и двѣ или три телѣги, все биткомъ набитое повлажей и прислугой до того, что сидѣть всѣмъ было прескверно.

Въ заброшенномъ барскомъ домѣ Перхушкова, похожемъ на фабрику, мы обѣдали, передъ домомъ шла пыльная большая дорога, за ней тоскливыя поля сливались съ далекимъ горизонтомъ; по шаткой лѣстницѣ мы поднялись въ верхній этажъ, въ комнатахъ стояла старинная мебель, покоробленные полы скригѣли подъ ногами. Пока старшіе отдыхали въ ожиданіи обѣда, мы сбѣгали въ одичалый садъ, находившійся позади дома, проходя сѣнями, мимо кухни, сквозь растворенныя двери видѣли, какъ поваръ наскоро готовить обѣдъ и толкуеть съ бурмистромъ, который сидѣлъ тамъ въ ожиданіи барскаго приказа. Такъ какъ все это выходило изъ обычнаго порядка, то все намъ чрезвычайно нравилось, начиная отъ безмѣрной ширины лопуховъ и высокой крапивы, заглушавшихъ въ саду куртины малины, черной и красной смородины, до супа изъ курицы и жареныхъ цыплятъ, поданныхъ на сервизѣ изъ англійской жести.

При отъѣздѣ въ передней и сѣняхъ насъ дружно осаждала прислуга, проживавшая въ Покровскомъ на чистомъ воздухѣ. Старухи лѣзли поздороваться съ старымъ бариномъ, босые ребятишки совались подъ ноги, неожиданно появляясь то справа, то слѣва; старшіе, порываясь впередъ, дергали ребятишекъ назадъ и ловили поцѣловать у барина ручку. Цѣловать руки Иванъ Алексѣевичъ не давалъ, сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ и мы уѣхали. Ночевать остановились въ Покровскомъ, въ новомъ барскомъ

*) Нашъ знаменитый художникъ-фотографъ Сергій Львовичъ Левитскій.

домъ съ свѣтлыми комнатами. Послѣ чая, Иванъ Алексѣевичъ легъ отдохнуть, а мы еще долго сидѣли на широкомъ крыльцѣ и не могли насмотрѣться на дремучій лѣсъ, рѣку, лугъ, осыпанный весенними цвѣтами, на широкій дворъ, не могли надышаться чистымъ полевымъ воздухомъ.

На другой день, напившись кофе, отправились далѣе. За Вязмой насъ встрѣтилъ васильевскій староста и проселкомъ проводилъ вплоть до барскаго дома, стоявшаго на Марьинской горѣ, почти противъ села Васильевского.

Васильевское *) находится противъ того берега Москвы-рѣки, на которомъ стоитъ Кунцево и Архангельское. Иванъ Алексѣевичъ, объѣхавшій почти всю Европу, говорилъ, что мало видалъ мѣстъ живописнѣе Васильевского.

Съ Марьинской горы и изъ нѣкоторыхъ комнатъ стоявшаго на ней новаго дома виднѣлись: рѣка, за ней село, церковь среди зелени, старый, полуразрушенный домъ съ садомъ и на нѣсколько верстъ кругомъ деревеньки, усадьбы, горы, засѣянные поля, пересѣченные рощами и лѣсами; новый домъ стоялъ на Марьинской горѣ одиноко, около него не было ни двора, ни надворныхъ строеній. Съ одной стороны его огибала глубокой оврагъ, поросшій тальникомъ, крапивою и чертополохомъ, по окраинамъ котораго лѣпились, свѣсившись надъ нимъ, старыя ветлы да небольшая кухня. Противоположно оврагу, передъ фасадомъ дома, гора отлогой покатостію тянулась до столбтней липовой рощи. Съ правой стороны дома она крутымъ обрывомъ спускалась къ рѣкѣ, а противъ всего низменнаго берега, на которомъ

*) Васильевское продано было Иваномъ Алексѣевичемъ Яковлевымъ племяннику его, Николаю Павловичу Голохвастову, потомъ перешло къ графинѣ Александрѣ Сергѣевнѣ Паниной, супругѣ графа Александра Никитича Панина.

Когда эта часть моихъ записокъ была уже передана въ редакцію «Русской Старины», я получила печальное извѣстіе, что графиня Александра Сергѣевна кончила жизнь, исполненную добра и любви къ ближнему. Васильевское она передала внуку своему и крестнику, князю Щербатову, старшему сыну своей дочери.

стоит Васильевское, простиралась горной возвышенностью, мѣстами поросшей лѣсомъ.

Передъ домомъ, по такъ называемому двору, росло нѣсколько большихъ кустарниковъ и развѣсистыхъ деревьевъ; въ густой, цвѣтущей травѣ, покрывавшей гору, видѣлись протоптанныя узенькія тропинки.

Домъ былъ новый, выстроенный изъ крупнаго сосноваго лѣса, ни снаружи, ни внутри не оштукатуренный. Въ немъ пахло смолой, мѣстами вытекавшей изъ стѣнъ янтарными каплями и нитями. Комнаты были свѣтлы и довольно просторны. Онѣ казались еще просторнѣе отъ того, что въ нихъ было очень мало мебели, и то самой простой. Комната Саши была въ мезонинѣ, тамъ стояла его некрашенная кровать съ сырмятнымъ тюфякомъ, широкая липовая лавка и такой же столъ, да два-три стула и полка для книгъ. Я помещалась внизу, въ небольшой комнатѣ съ итальянскимъ окномъ, подлѣ котораго стоялъ сосновый столикъ и стулъ. За нимънѣмъ кровати, я спала на полу, на двухъ сложенныхъ вмѣстѣ тюфякахъ.

Пока выбирали изъ экипажей наши вещи, а съ подводъ съѣстные запасы и поклажу, мы всѣ собрались въ чайную комнату, выходящую изъ корридора. Тамъ, на длинномъ липовомъ столѣ, уже кипѣлъ самоваръ, стояли разныя принадлежности къ чаю и большой горшокъ холоднаго молока съ густыми майскими сливками. Все это, вмѣстѣ съ чистымъ воздухомъ и живописной мѣстностью, возбуждало сильный аппетитъ и восторженное настроеніе духа. Мы съ наслажденіемъ пили чай и сливки, съ увлеченіемъ говорили о прелестяхъ деревни и составляли проекты прогулокъ и занятій. Иванъ Алексѣевичъ сидѣлъ въ концѣ стола, на диванѣ, и молча пилъ чай, кидая наблюдательныя взгляды, холодно слушая наши страстныя рѣчи, и вдругъ, оглянувши всѣхъ, сказалъ:

— Удивительно, какъ прекрасная природа и деревенскія

сливки располагають къ чувствительности; у меня такъ и вертятся на умѣ стихи да романсы, особенно нейдетъ изъ головы одинъ трогательный романсъ: „Ахъ, батюшки, бѣлы козель!“ выразительнѣе всего повторяется припѣвъ „бѣлы козель!“ Не поеть ли кто изъ васъ „бѣлаго козла“?

— Никто не поеть и не знаетъ, — съ досадою отвѣтилъ Саша.

— Ну, такъ, можетъ, кто-нибудь знаетъ одну извѣстную чувствительную пѣсню, — и улыбаясь, речитативомъ пропѣлъ, или, скорѣе, проговорилъ:

Какъ на рѣчкѣ, на Казанкѣ,
Дѣвка, стоя, фартукъ мыла;
Мывши, фартукъ обронила,
Бѣлы ноги замочила;
На фартучкѣ пѣтушки,
Золотые гребешки.

Неподвижный взоръ, съ которымъ все это было сказано, улыбка, не живая, вытекающая изъ внутренняго состоянія духа, а безжизненная, какъ бы наложенная снаружи, — обдавали холодомъ.

Всѣ поняли, что воспоминаніе о бѣломъ козлѣ и пѣсня сказаны на смѣхъ нашему лирическому настроенію и комедія сыграна, чтобы убить его, — съ недоумѣніемъ переглянулись и отвѣтили Ивану Алексѣвичу горькой, натянутой усмѣшкой, на которую онъ не обратилъ никакого вниманія, и довольный тѣмъ, что понизилъ общій восторгъ до нуля, спокойно продолжалъ пить свой чай.

Назовите лунатика по имени — и онъ упадетъ: такъ и мы упали съ неба въ бѣдную сферу жизни. Одни пошли хлопотать устраиваться, другіе — разбирать свои вещи.

Меня Саша позвалъ пройтись къ рѣкѣ.

По тропинкѣ, сбѣгавшей съ обрыва, мы спустились прямо къ водѣ на небольшую песчаную площадку, мѣстами поросшую мелкой травкой и низенькими желтыми цвѣточками. Подъ горой насъ обдало влагой и теплотой. Вода стояла

неподвижно и была до того прозрачна, что сквозь нее виднѣлся на днѣ песокъ, и вблизи берега можно было пересчитать камешки.

Пополоскавши въ водѣ руками, подивившись ея теплотѣ, побрызгавши ею другъ на друга и порадовавшись на виды, открывавшіеся изъ-за рѣки, мы устроились по близости воды. Я помѣстилась на широкомъ камнѣ, на которомъ, купаясь, клали бѣлье; Саша, облокотясь на руку, прилежъ на травѣ.

Солнце крылось, бросая на землю прощальные лучи, день преображался въ задумчивый вечеръ. Легкій вѣтерокъ тронулъ воду, воздухъ, потянулъ съ горы запахомъ ночныхъ фіалокъ и затихъ. И какъ-то молодо и чудно

На сердцѣ было и кругомъ
Шептался въ рошѣ листь съ листомъ,
И тихо вѣялъ воздухъ сонный,
Какой-то нѣгой благовонной
И громко пѣлъ во тьмѣ вѣтвей
Печаль и счастье соловей.

Мало по малу, мы совсѣмъ устроились въ деревнѣ и распредѣлили время прогулокъ и занятій. Саша писалъ статью о „Валленштейнѣ“ Шиллера и читалъ ее мнѣ, писалъ письма къ Нику, которыхъ мнѣ не читалъ. Сверхъ того, готовился къ экзамену для поступленія въ университетъ, несмотря на то, что отецъ его былъ противъ университета.

Въ липовой рошѣ находилось одно мѣсто, до того красивое, что Саша его назвалъ Эрменонвилемъ, въ память Жанъ Жака Руссо. Это была четырехъ-угольная площадка, съ одной стороны открытая на рѣку, а съ остальныхъ затѣненная густыми вѣтками липъ. Эрменонвиль всѣмъ до того нравился, что въ немъ устроили скамейки, столъ и ходили туда съ работой, книгами и даже съ завтракомъ.

Много прошло времени послѣ моего нравоучительнаго посланія Сапгѣ, по поводу исповѣди Жанъ Жака, многое

измѣнилось и въ нашихъ понятіяхъ. По совѣту Саши, я прочитала нѣкоторыя мѣста изъ знаменитой „Исповѣди“, и хотя многого не поняла и не выразумѣла вполнѣ эту исповѣдь страдальца, эту энергическую душу, которая выработалась черезъ мастерскія часовщиковъ, переднія, порочныя паденія, до высшаго нравственнаго состоянія, до всепоглощающей любви къ человѣчеству, но растрогалась и, въ знакъ раскаянія въ своемъ поспѣшномъ приговорѣ, перевела съ французскаго языка какую-то небольшую статью, гдѣ проводилась параллель между Руссо и великими страдальцами за истину. Саша предложилъ мнѣ прочитать вмѣстѣ съ нимъ въ Эрменонвилѣ всѣ сочиненія Руссо. Мы начали съ „Contrat social“; имъ Руссо надолго покорилъ насъ своему авторитету—такъ сильно и увлекательно онъ излагалъ свои идеи; а его поэтическое бѣгство отъ людей въ Эрменонвилѣ привязало насъ къ нему лично. Намъ казалось, что онъ несъ на себѣ всѣ скорби XVIII столѣтія и выразилъ собою все, что содержалось теплаго и энергическаго въ основѣ французской философіи того вѣка. Послѣ „Contrat social“ мы стали читать „Discours sur l'inégalité de l'homme“ и, минуя „Эмиля“, принялись за „Новую Элоизу“. Мы еще не знали жизни, смотрѣли на нее издали съ высоты фантазмагоріи, знали по теоріи ея разсчеты, отношенія, маленькую мораль и нигдѣ не попадали въ водоворотъ этой жизни. Мы судили о людяхъ по героямъ и дѣвамъ Шиллера, имѣющимъ образъ человѣческой, но безтѣлесной, какъ абстрактная идея. Потому-то Шиллеръ и есть по преимуществу поэтъ юности, что его фантазія выразила не полный человѣческій элементъ, какъ у Шекспира, а одинъ юношескій со всѣми увлеченіями и мечтами его. Письма Юліи къ Сень-Пре насъ утомляли однообразіемъ и мало нравились физической, порывистой любовью. Самый слогъ этихъ писемъ намъ былъ мало симпатиченъ. Мы долго тянули первую часть, а на второй бросили.

Не смотря на наше пристрастіе къ энциклопедистамъ, мы не предавались имъ вполне. Какой-то внутренній голосъ больше инстинктуальный, нежели сознательный, возставалъ противъ сенсуализма этой школы. Духъ требовалъ свои права и отталкивалъ узкія истолкованія всего духовнаго: мысль Бога, *par la raison naturelle*, человѣка безъ души, отталкивала и самый деизмъ ихъ—мелкій, холодный. Можетъ чтеніе Шиллера направляло выше направленія энциклопедистовъ, можетъ духъ вѣка будилъ этотъ голосъ въ душахъ нашихъ.

Сашѣ очень хотѣлось кататься по рѣкѣ въ лодкѣ, — отецъ ни подъ какимъ видомъ не позволялъ, — тѣмъ сильнѣе влекло его это удовольствіе, и онъ достигъ его украдкой. При помощи одного пріятели изъ прислуги, онъ добылъ лодку и утрами, пока отецъ его еще спалъ, плавалъ въ ней съ Ларькой и Левкой-цирюльникомъ (такъ ихъ называли въ домѣ всѣ вообще). Накатавшись до-сыта, они прятали лодку въ прибрежномъ тростникѣ, привязавши веревочкой къ колышку, вколоченному въ дно рѣки.

Выучившись управлять лодкой, Саша сталъ уговаривать меня покататься съ нимъ пока всѣ еще спали. Не довѣряя его искусству въ управленіи лодкою, я долго не рѣшалась, наконецъ, уступила его просьбамъ. Въ назначенный день, какъ только разсвѣло, я встала съ постели, одѣлась, вышла на балконъ и сѣла на ступенькѣ лѣстницы.

Всходило утро. Небеса
Румянцемъ розовымъ сіяли,
Какъ первой юности краса,
..... роса
Кой-гдѣ блистала. Люди спали
И только бѣлый голубокъ
Кружился въ небѣ одинокъ.

Тишина длилась долго. Наконецъ на селѣ показалось движеніе. Изъ-за горизонта брызнули лучи солнца и сотни радугъ, перекрещиваясь, перекинулись черезъ цвѣтущій лугъ, надъ которымъ опаловымъ моремъ стояла роса.

На балконъ вышелъ Саша. Онъ всегда вставалъ очень рано.

По мокрой травѣ, пробираясь мокрыми кустами, мы пришли къ рѣкѣ:

Рѣка была тиха, ясна
Вставало солнце, птички пѣли,
Тянулся за рѣкою долъ,
Спокойно, пышно зеленѣя,
Вблизи шиповникъ алый цвѣлъ.

Мы вывели изъ тростника лодку и вдвоемъ сѣли въ нее. Весла тронули воду, лодка скользнула и пошла по теченію, оставляя за собой струистый слѣдъ; село, домъ, лѣсъ, берега отразились въ рѣкѣ и, отодвигаясь, безпрестанно мѣняли фізіономію. Одно голубое небо оставалось неизмѣннымъ.

Тишина царствовала глубокая. Все было неподвижно. Самое солнце, казалось, стало на пути своемъ и высилось въ лазури волшебствомъ. Только весла всплескивали воду, да иногда чайка, вскрикнувъ, пронеслась надъ нами, или куличекъ, чуть слышно чивкая, выбѣгалъ изъ тростника на прибрежный песокъ.

— И хорошо такъ было намъ
И мы забыли про печали,
Безпечно вѣрся волнамъ,
Терялись взоры въ синей дали,
Иль утопали въ глубинѣ,
Иль въ небѣ дальнемъ исчезали.

Подъ прелестью этого кроткаго утра мы, какъ очарованные, плыли молча, сливаясь душой со всеобщимъ покоемъ. Когда же вышли изъ-подъ обаянія, насъ охватила безотчетная радость и раздолье. Мы говорили, смѣялись, пѣли, перекликались съ эхомъ; приставши къ берегу, легко выпрыгнули изъ лодки, привязали ее и весело, беззаботно вѣжжали въ домъ. Всѣ еще спали. Мы стали пробираться въ комнату Саши; противъ нея, изъ двери въ дверь, выходила ком-

ната Егора Ивановича. Услыша наши шаги и голоса, онъ пробудился и съвзошь дверь сердито крикнулъ:

„Экъ васъ нелегкая носить спозаранка, угомона на васъ нѣтъ, сами не спите и другимъ спать не даете.“

Мы притихли, молча пробрались въ комнату Саши и раскрыли среднее окно. Въ лѣсу куковала кукушка. Долго ли мы будемъ жить такъ дружно, спросилъ Саша, и стали считать: разъ, два, три, кукушка умоляла.

— Ну что-жь? нетерпѣливо спросилъ Саша.—Только-то? и посмотрѣлъ на меня.

— Должно быть только, отвѣтила я.

Иногда Иванъ Алексѣевичъ приглашалъ насъ съ собою погулять; обыкновенно это случалось въ самый палачій зной, въ два или три часа по полудни. Для этихъ прогулокъ онъ всегда надѣвалъ новый длинный сюртукъ, бралъ круглую шляпу, трость съ золотымъ набалдашникомъ и водилъ насъ по широкой проѣзжей дорогѣ, среди засѣянныхъ полей, или по открытому берегу рѣки, между громадныхъ обломковъ мрамора.

Комиссія строеній храма Спасителя въ Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ, узнавши, что въ Васильевскихъ горахъ находится мраморъ, просила у помѣщика разрѣшенія выломать нѣсколько кусковъ на пробу. Иванъ Алексѣевичъ согласился. Комиссія, вмѣсто того, чтобы мраморъ ломать—нашла удобнѣе дѣйствовать порохомъ. Горы взорвали на довольно значительное пространство. Мраморъ въ отдѣлѣ оказался красивъ, сколько помнится, шоколаднаго цвѣта, съ пунцовыми жилками. Глыбы взорваннаго мрамора рѣшено было купить для постройки храма Спасителя. Чтобы удобнѣе была его доставка, присланы были въ Васильевское инженерныя строить на рѣкѣ шлюзы. Когда инженерныя работы были готовы, тогда до 30-ти барокъ нагрузили мраморомъ и отправили по Москвѣ-рѣкѣ къ Воробьевымъ горамъ, но онѣ едва тронулись съ мѣста, какъ и потонули.

Быль слухъ, что эти барки съ намѣреніемъ были просверлены.

Такъ какъ построение храма на Воробьевыхъ горахъ не состоялось, то много обломковъ мрамора осталось разбро- санными на мѣстѣ, занимая по берегу рѣки пространство больше чѣмъ на версту. Эти разорванныя горы, эти громад- ные каменные глыбы представляли видъ дико-живописный, но прогуливаться въ полуденный зной среди раскаленныхъ камней—было истиннымъ наказаніемъ. Когда спадалъ жаръ, мы, уже безъ Ивана Алексѣевича, ходили къ старому дому въ садъ собирать клубнику и смотрѣть, какъ старый по- варъ Сафонычъ тронитъ мятную и розовую воду, или шли въ Полушкинскій боръ за ягодами и грибами. Саша въ этихъ прогулкахъ намъ сопутствовалъ рѣдко. Онъ больше любилъ, послѣ обѣда, съ книгой лежать подъ развѣсистой липой, стоявшей среди такъ называемаго двора, и читать, или су- мерками смотрѣть на трепетное мельканіе зарницы.

Одна изъ нашихъ прогулокъ, въ которой участвовалъ и Саша, оставила такое свѣтлое впечатлѣніе, что онъ вспо- мнилъ о ней въ своихъ запискахъ объ Италіи.

Это было на закатѣ солнца; возвращаясь изъ лѣса, мы выбрались на полянку къ рѣкѣ и остановились, пораженные волшебной красотой открывшейся намъ картины. Вся пано- рама, видимая съ Марьянской горы, съ опускавшимся солнцемъ тонула въ тумано-знойномъ пурпурѣ вечерней зари: очертанія предметовъ скрадывались, воздухъ и легкій паръ надъ рѣкою алѣли, а надъ нами и за нами синѣло холодное небо. Вдругъ, среди безмолвія, раздался пастушеской рожокъ и звонъ бубен- чиковъ, и изъ-за деревьевъ, медленно выступая, другъ за другомъ показалось небольшое стадо, а за нимъ миловидный крестьянскій мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Это явленіе до того стройно совпало съ цѣлымъ, что на всѣхъ лицахъ вызвало улыбку безконечнаго счастья.

Въ исходѣ іюля Иванъ Алексѣевичъ собрался посѣтить

племянника своего, Дмитрія Павловича Голохвастова, въ его селѣ Покровскомъ, лежащемъ верстахъ въ двухъ отъ Новаго Іерусалима. Поѣздкѣ этой больше всѣхъ радовался Саша; онъ надѣялся черезъ посредство Дмитрія Павловича склонить отца на согласіе въ поступленію его въ университетъ.

Въ Савинѣ монастырѣ, расположенномъ въ самой живописной мѣстности, мы обѣдали. Не доѣзжая Покровскаго, Ивану Алексѣевичу разсудилось еще отдохнуть въ небольшой деревушкѣ. Экипажи остановились у плетня, подъ тѣнью березы. Сквозь плетень виднѣлся огородъ и стоявшія тамъ колоды пчель посреди подсолнечниковъ и краснаго мака.

— Вотъ что прекрасно,—сказалъ Иванъ Алексѣевичъ, указывая на пчельникъ,—трудолюбивыя пчелы, запахъ меда, воска, цвѣты,—все это прелезно. Пока лошади отдохнутъ, мы въ пчельникѣ понаберемъ здоровья.

Всѣ вышли изъ экипажей, разсуждая о трудолюбивыхъ пчелахъ и о приносимой ими пользѣ и удовольствіи.

Изъ ближней избы показался старикъ, хозяинъ пчельника; онъ привѣтливо пригласилъ насъ въ огородъ и отворилъ валитку.

По тропинкѣ, протоптанной между грядъ огурцовъ и моркови, пробираясь другъ за другомъ, мы достигли пчельника. Около ульевъ, жужжа, вилися пчелы и окружили насъ со всѣхъ сторонъ. Мы стали отъ нихъ отмахиваться, хозяинъ просилъ насъ стоять покойно, но было уже поздно. Раздраженные пчелы изступленно стали нападать на насъ. Одна изъ нихъ забила мнѣ въ волосы, запуталась въ нихъ, визжала и рвалась вонъ. Я трясла своими длинными, густыми кудрями, чтобы освободиться отъ пчелы, но она, вышутываясь изъ нихъ, ужалила мнѣ ухо. Движенія мои взбѣсили пчель окончательно. Онѣ напали на насъ съ такимъ неистовствомъ, что мы, отмахиваясь отъ нихъ чѣмъ ни попало, опроретью бросились изъ огорода. Нѣсколько пчель гнались за нами до экипажей. Торопливо отворивши дверь кареты, мы впрыгнули въ нее

и подняли окна. Тутъ только увидали, что всѣ были пережалены.

— Вотъ какъ понабрались здоровья,—говорили мы печально, прикладывая сырую землю къ болѣвшимъ мѣстамъ.

Иванъ Алексѣевичъ еще долго оставался на пчельникѣ, толковалъ съ хозяиномъ и, къ нашему удивленію, ни одна пчела его не тронула.

Въ Покровское мы приѣхали около вечера; Дмитрій Павловичъ встрѣтилъ насъ чрезвычайно радушно. Онъ помѣщался во флигелѣ и уступилъ намъ лучшія комнаты.

Мы прогостили въ Покровскомъ около недѣли, осмотрѣли библиотеку Дмитрія Павловича, поля, луга, засѣянные клеверомъ, тирольскихъ коровъ, конскій заводъ, земледѣльческія машины, привезенныя имъ изъ-за границы, пробовали стоящую на пруду водоподъемную машину, но она не подѣйствовала.

Въ праздникъ ѣздили въ Новый Іерусалимъ, гдѣ осмотрѣли всю церковь и ризницу.

Саша переговорилъ съ Дмитріемъ Павловичемъ на счетъ своего поступленія въ университетъ. Дмитрій Павловичъ былъ согласенъ съ мнѣніемъ Саши, далъ слово урезонить дядюшку и сдержалъ его.

Несмотря на то, что Иванъ Алексѣевичъ согласился на поступленіе Саши въ университетъ, когда мы возвратились въ Васильевское, онъ позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и задалъ ему жестокой нагоняй, говоря, что онъ натравилъ на него Дмитрія Павловича, что всѣ во всемъ ему перечатъ, и кончилъ словами:

— Хотя я и не желаю, чтобы ты поступалъ въ университетъ, но такъ какъ этого желаешь ты и Митя, то принужденъ согласиться.

Саша, выслушавши съ покорнымъ видомъ нотацію до конца, прибѣжалъ къ намъ въ радостномъ изступленіи и объявилъ, что онъ чуть не студентъ.

Раздѣляя радость Саши, я въ то же время почувствовала, что меня какъ будто что-то кольнуло въ сердце: боль эта сказала, что для товарища моего дѣтства и юности начинается новый періодъ жизни и что скоро между нами, кромѣ Ника, протѣснится многочисленная толпа товарищей и наука.

Что же сказать еще объ утрѣ жизни моей и Саши въ Васильевскомъ? Она была полна, но однообразна. О чемъ бы еще вспомнить? Да вотъ: вспомнился мнѣ случай съ огромной величины филиномъ. Въ одинъ темный, претемный осенній вечеръ филину этому вздумалось прилетѣть къ барскому дому и усѣсться на рябинѣ, которая росла подлѣ одного изъ оконъ чайной комнаты, и раскричаться что есть мочи. Саша сидѣлъ со мной у этого окна за столикомъ и читалъ вслухъ. На столикѣ горѣла свѣча. Услыхавши крикъ филина почти надъ нами, мы вздрогнули; Саша бросился вонъ изъ комнаты, схватилъ ружье и въ сопровожденіи нѣсколькихъ челоуѣвъ прислуги отправился на охоту за филиномъ. Минуть черезъ десять мы услышали какъ во дворѣ грянулъ выстрѣлъ, а вслѣдъ затѣмъ появился и стрѣлокъ, держа за лапы огромную птицу, застрѣленную имъ. Взоръ стрѣлка былъ дикъ, глаза лихорадочно горѣли. Филина разсмотрѣли, подивились его величинѣ и не знали, что съ нимъ дѣлать. Когда волненіе Саши утихло, онъ сталъ жалѣть зачѣмъ убилъ филина. И точно, зачѣмъ—жилъ бы онъ себѣ да жилъ въ труппахъ Полушкинскаго бора, да не подпускалъ своимъ крикомъ робкихъ крестьянъ къ курганамъ. А и то сказать, кто же его звалъ къ барскому дому. Ну, и попался. По дѣломъ,—не въ свои сани не садись.

Вспоминается мнѣ еще случай съ бѣлкой. Въ одно прекрасное утро шли мы изъ лѣса домой; по пути намъ встрѣчалось много бѣлокъ, прыгавшихъ по деревьямъ. Съ Сашей было заряженное ружье, но онъ не тронулъ ни одной изъ

нихъ. Подходя къ дому, мы увидали еще одну бѣлку; она, весело промчавшись между листьевъ по деревьямъ, усѣлась прямо противъ насъ на вѣткѣ и накрылась пушистымъ хвостомъ. Мгновенно раздался выстрѣлъ и бѣлка, распустивши хвостъ, кувыркомъ покатила къ нашимъ ногамъ. Саша бросилъ ружье и залился слезами.

Приближалась осень. Вечера становились холодны и длинны. Наступала пора отъѣзда въ Москву. Иванъ Алексѣевичъ большую часть времени оставался въ своемъ кабинетѣ, пересматривалъ отчеты писаря Елифанчы и толковалъ о хозяйствѣ со старостой.

Въ концѣ сентября все было готово къ отъѣзду. Большая часть прислуги и вещей уже были отправлены. Утрами слегка морозило. Полевая работа прекратилась, ихъ замѣнилъ мѣрный звукъ цѣпа. Инструкціи по хозяйству были отданы. Староста, верхомъ на пѣгой лошади, ждалъ во дворѣ отъѣзда господъ. Въ воздухѣ пахло опавшими листьями и дымкомъ овиновъ. Сквозь рѣдкіе пурпуровые и золотистые листья деревъ сверкали бѣлые стволы березъ и капли утренняго тумана, задержанныя въ свернувшихся листочкахъ.

Въ Покровскомъ мы ночевали, въ Перхушковѣ обѣдали, вечеромъ въѣхали въ Москву. Опять гремитъ мостовая, въ окнахъ домовъ горятъ огни, въ лавочкахъ торгуютъ. Мы дома, точно и не выѣзжали никогда.

Это было наканунѣ Покрова.

Въ Покровъ выпалъ снѣгъ и стала зима.

